

Научная статья

УДК 94

DOI 10.46698/VNC.2023.11.87.001

С.А. Айларова

Об исторической концепции Сослана (Вано) Темирханова

Светлана Ахсарбековна Айларова

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНИЦ РАН, ведущий научный сотрудник, доктор исторических наук, Владикавказ, Россия, aylarova54@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена историко-культурной концепции осетинского просветителя Сослана (Вано) Темирханова, изложенной в его труде «Иры истори» (1913 г.). Форма культурно-исторической идентификации, представленная историком, опиралась на определенные стороны этнической традиции, реализовавшиеся в истории осетинского народа. Это интегральные мифологемы культуры (в частности, миф о Прометее), древняя религиозная традиция – иранский монотеизм, определившие логику национальной истории. Самобытное ментальное ядро осетинской культуры диктовало в истории формы общественной солидарности и государственного устройства, этического и эстетического восприятия мира. Историк ставил перед собой научные и просветительские цели, представив обобщающую картину истории осетинского народа в ее основных периодах. Непрерывность повествования задается единством иранской этнической основы, прослеживаемой с глубокой древности – историей народа «ир». Этнический исток осетинского народа связан преемственной нитью с чередой этнонимов древних и средневековых источников – скифов, сарматов, алан – в единую историю осетинского народа («ирон адæм»), и связывает его с индоариями древности и общностью всех иранских народов. Постоянные войны и конфликты определили трагическую драматургию истории народа. Поэтому Темирханов большинство глав своего труда называет по именам грозных врагов предков осетин: «римская эпоха», «гуннская эпоха», «монгольское время» и т.д. Творчество Темирханова – это поиск ориентиров культурно-цивилизационного развития Осетии в XX веке, выстраивание такой национально-культурной идеологии, которая обеспечила бы внутреннюю интеграцию социума в период модернизации и внешнюю интеграцию в мировое сообщество при сохранении собственной идентичности

Ключевые слова: Осетия, осетинская интеллигенция, Сослан (Вано) Темирханов, история Осетии, культурная идентичность

Для цитирования: Айларова С.А. Об исторической концепции Сослана (Вано) Темирханова // Вестник Владикавказского научного центра РАН. 2023. Том 23. № 4. С. 21–29. DOI 10.46698/VNC.2023.11.87.001

On the historical concept of Soslan (Vano) Temirkhanov

Svetlana A. Aylarova

V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS, Leading Researcher, Dr, Vladikavkaz, Russia, aylarova54@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the historical and cultural concept of the Ossetian educator Soslan (Vano) Temirkhanov. The form of cultural and historical identification presented by the historian was based on certain aspects of ethnic tradition realized in the history of the Ossetian people. These are integral mythologems of culture (in particular, the myth of Prometheus), an ancient religious tradition – Iranian monotheism, which determined the logic of national history. The original mental core of Ossetian culture dictated in history the forms of social solidarity and state structure, ethical and aesthetic perception of the world. The historian set himself scientific and educational goals, presenting a generalizing picture of the history of the Ossetian people in its main periods. The continuity of the narrative is set by the unity of the Iranian ethnic basis, traced from ancient times – the history of the people of "Ir". The ethnic origin of the Ossetian people is connected by a continuous thread with a series of ethnonyms of ancient and medieval sources – Scythians, Sarmatians, Alans – into a single history of the Ossetian people ("iron Adam"), and connects it with the Indo-Aryans of antiquity and the community of all Iranian peoples. Constant wars and conflicts have defined the tragic drama of the history of the people. Therefore, Temirkhanov calls most of the chapters of his work by the names of the formidable enemies of the ancestors of the Ossetians: "Roman era", "Hun era", "Mongol time", etc. Temirkhanov's work is a search for guidelines for the cultural and civilizational development of Ossetia in the XX century, building a national and cultural ideology that would ensure the internal integration of society during modernization and external integration into the world community while preserving its own identity

Keywords: Ossetia, Ossetian intelligentsia, Soslan (Vano) Temirkhanov, Iry istori, cultural identity

For citation: Aylarova S.A. On the historical concept of Soslan (Vano) Temirkhanov // Bulletin of the Vladikavkaz Scientific Center. 2023. Vol. 23.No 4. P. 21–29. DOI 10.46698/VNC.2023.11.87.001

Общество, становящееся на путь модернизационных преобразований, ощущает необходимость обрести масштабный исторический взгляд, открывающий ему перспективу, задающий направленность, соединяющий его настоящее, актуальную современность, с прошлым и будущим, находя им место в длинной цепи исторических событий. Обновляющееся осетинское общество конца XIX – начала XX века, переживавшее культурный подъем, жаждало обрести национальное самосознание, осмыслить свою культурную самобытность, исторический путь осетинского народа, его место в «большой» истории. Поиск своего места в динамичном мире начала XX века, новых смыслов жизни, современных исторических целей для осетинского общества, не столь давно вышедшего из многовековой изоляции и неподвижности, было невозможно без определенной преемственности с традицией. Решение проблемы культурной идентичности для осетинского общества было не просто интеллектуальной прихотью – а играло важную роль в его ориентации в современном мире, российском и всемирном историческом процессе. Сама постановка проблемы культурной идентичности была реакцией осетинской общественно-исторической мысли на объективные процессы мировой модернизации и глобализации, происходившие в XIX–XX веке и противоречивое участие в них Осетии и Северного Кавказа.

В стремлении к российской и европейской культурной интеграции осетинское общество в лице выразителей его самосознания – интеллигенции – представило разные формы культурно-исторической идентификации, опиралось на разные стороны национальной традиции. Просветители, стоявшие у истоков осетинской историографии, первые христианские историки – Алексей Гатуев и Александр Кодзаев – увидели основу национальной идентичности и возможность российской и европейской интеграции в христианстве, сопровождавшем алано-осетинскую историю на протяжении двух тысячелетий. Осетины – христианский народ, воспитанный гуманистическими идеалами православия, полноправное звено и участник всех драм и трагедий христианской истории [1]. «Вся европейская цивилизация, со всеми великими ее началами, есть плод влияния христианства, и развивается под его сенью», – писал А. Гатуев [2, с. 106]. Христианство должно стать основой национальной консолидации, просвещения и современного развития народа – считали христианские мыслители Осетии.

С другой стороны, историк Сослан Темирханов (писавший под псевдонимом «Вано») развивает альтернативную концепцию осетинской идентичности, увидев ее основания в глубинных пластах этнической культуры и духовности, самобытной монотеистической религии, особенностях народного характера и ментальности, имеющих не только узко-этническое, но всемирно-историческое значение. В своей книге «Иры истори» («История

осетин»), вышедшей в 1913 году, историк-просветитель доказывает, что самобытное духовно-ментальное ядро осетинской культуры определило логику национальной истории, диктовало формы общественной солидарности и государственного устройства, этического и эстетического восприятия мира и творчества. Древняя религиозная традиция и духовное своеобразие народа в тесной взаимосвязи образовали фундамент осетинской национально-культурной индивидуальности, ее самореализации и самоутверждения в истории.

Наследие просветителя достаточно обширно и разнообразно. Здесь рассказы, стихи, эссе, письма, исторические исследования и легенды. Большая часть – на осетинском языке, но есть тексты и на русском языке. Таков, в частности, историко-культурологический очерк «Осетины», являющийся кратким, «сжатым» изложением основных положений «Иры истори» и, видимо, написанный тогда же, хотя датирован более поздним временем (1920 г.).

Все его наследие собрано, обработано и опубликовано Т.Н. Сагутоновой [3]. Предисловие знакомит с творчеством самобытного осетинского писателя, мыслителя и историка, содержит ценные факты о его недолгой жизни и трагической судьбе.

В советское время творчество Сослана Темирханова не изучалось, были даже жесткие политические обвинения [4]. Вердикт советской историографии звучал бескомпромиссно: труд «Иры истори» «не носит исследовательского характера», «привлекаемые источники автором использованы не критически, а подчас и тенденциозно, с целью обоснования превосходства предков осетин – скифов и сарматов над другими древними народами». И самое главное – «Темирханов идеализирует внутреннюю жизнь алан-осетин; он не видит в ней социальных противоречий и классовой борьбы» [5, с. 91]. В постсоветские годы появился интерес к творчеству осетинского историка [6; 7; 8; 9], но все ограничилось общей оценкой значимости его трудов. Всестороннее изучение интеллектуального наследия Сослана Темирханова, по-видимому, впереди. Мы же в данной статье сосредоточимся на анализе исторической концепции историка-просветителя, которая, наряду с его религиозно-этническими воззрениями, является важной частью общественно-культурных взглядов Темирханова [10].

Сослан Темирханов родился 2 апреля 1881 года и был старшим ребенком в крепкой, трудолюбивой крестьянской семье. Получив домашнее образование, поступил затем в реальное училище. В 1904 году он уже выпускник Тифлисского юнкерского училища. Следом участие в разных военных кампаниях: Русско-японской войне 1904–1905 годов, Первой мировой войне, по окончании которой Темирханов имел звание подполковника и военные награды. В советское время обратился к любимым им гуманитарным студиям, собирал этнографические и фольклорные материалы, преподавал, публиковался во владикавказских изданиях. Как быв-

ший царский офицер, был репрессирован в 1925 году.

Задумав труд об истории Осетии, Сослан Темирханов ставил перед собой как научные, так и просветительские задачи. Обретение осетинским народом исторического самосознания, знание трагической, но славной истории своих предков – необходимое условие жизни нации в современном мире. Отсюда и решение писать на осетинском языке – это знание для его народа должно быть всеобщим, не только привилегией интеллигенции. В «Предисловии» («Раздзырд») к своему труду он писал: «*Мах, нæ фæсивæд, нæ ирон адæмы æрдумæ дæр нæ дарæм, нæ сæр сæрмæ нæ хæссæм æмæ нæ æрдумæ дæр уый тыххæй ничи дары. Мах куы зониккам, нæ фыдæлтæ чи уыдысты æмæ сæ къухæй цы нæртон хъуыддæгтæ цыди, уый, уæд хъал уаиккам нæ ирон номæй æмæ нæ сæр æгадмæ нæ уадзиккам. Афон у, нæ адæм, махæн дæр нæ истори базонын æмæ уый тыххæй иронау фыссын ацы чиныг, цæмæй, ир рагæй нырмæ куыд цæргæ æрцыдысты, уый раггом уа негас дзыллæйæн дæр*» [3, с. 91]. – «Мы, осетины, ни во что не ставим свой народ, стыдимся себя, поэтому и с нами никто не считается. О если бы наш народ знал, кем были его предки, какие великие деяния совершали они в истории, то гордился бы именем осетина, и не позволял бы унижать это достойное имя. Пора нам, осетинам, знать свою историю, – поэтому я и пишу на осетинском языке, чтобы весь народ узнал правду о прошлом Осетии» (здесь и далее перевод наш. – С. А.).

Представить целостную картину осетинской истории в ее основных фазах, членящих ее на крупные эпохи, в то же время неразрывно связанных друг с другом и с настоящей жизнью народа – вот научная задача, которую поставил перед собой автор. Непрерывность, связанность этого повествования задается единой иранской этнической основой, прослеживаемой с глубокой древности – историей народа «ир», насельника бескрайнего Иранского плоскогорья, почувствовавшего тесноту своей родины, исчерпанность ее природных ресурсов и начавшего вследствие этого широкие миграции. Этноним «ир» позволил историку, с одной стороны, связать этот этнический исток осетинского народа преемственной нитью с чередой этнонимов древних и средневековых исторических источников – скифов, сарматов, алан – как единую историю одного народа («ирон адæм»), с другой стороны, подчеркнуть его принадлежность к индоариям древности и к огромной общности иранских народов («Ир» – «Иран»).

Масштабные миграции древних иранцев привели к освоению ими территории древней Месопотамии (7–5-е тыс. до н. э.). Везде, где оседали иранские мигранты, осушались болота, расцветали земледельческие оазисы, строились сложные ирригационные системы и каналы. Однако, теснимые враждебными народами, иранцы двигались даль-

ше, дойдя на юге до Индийского полуострова, а на северо-западе – до Кавказа, и далее расселились в Восточной, Центральной и Северной Европе. На территории Центрального Кавказа, в его северной и южной части, древние иранцы в XIV–IV веках до н. э., на рубеже эпохи бронзы и железа, сформировали культурно-историческую общность, создавшую культуру выдающегося художественного совершенства, оригинальности и красоты.

Наука и XIX и XX веков указывала на широкие ареальные связи и стилистические параллели этой так называемой кобанской культуры с бронзовыми культурами Луристана, Иранского Курдистана, а также европейскими центрами бронзовой металлургии (Австрия, Богемия, Бавария) [11; 12; 13, с. 342, 344–345]. Археологи, исследовавшие кобанские могильники, допускают ираноязычность кобанских насельников Кавказа [14; 15; 16]. Отметим и зафиксированную широту языковых и культурных связей осетинского («скифского») языка с древними европейскими языками в так называемый доисторический период [17].

Для Темирханова носители кобанской археологической культуры – далекие предки осетинского народа, культура которых была отмечена не только развитой металлургией, несравненной красоты металлопластикой, но и весьма развитой духовной составляющей. Кобанцы (народ «ир») оставили в наследство своим потомкам богатейшую мифологию, «в которой дух нации выражается лучше, чем в самой точной истории» [3, с. 136]. «Осетинская мифология по богатству и разнообразию не уступает греческой и германской. Дух добра и разума, мужества и трудолюбия, живой мысли и скромности, рыцарства и самопожертвования проникает в осетинскую мифологию: она учит мудрости и будит в сердцах ту божественную искру, которая вдохновляет человека и дает ему мужество и силы безбоязненно бороться со злом и враждебными стихиями» [3, с. 136].

Духовный облик осетинского этноса сложился, по мнению Темирханова, именно в «кобанский» период, – и это не только такие нравственные качества, как воля, решительность, достоинство, но невероятная стойкость, ставшая основой народного характера. «Эта мифология – прекрасное создание осетинского духа и дает в живых образах законы нравственности: в ней красной нитью проводится та мысль, что человеку везде и всюду предстоит много бед, с которыми необходимо бороться и ни в коем случае не унывать, что мужество и безбоязненность смерти есть то божественное начало, которое возвышает людей и украшает жизнь, ... что уважение человеческого достоинства и взаимопомощь наилучшие гарантии общезжития» [3, с. 136].

Такие черты народной философии, как пафос творчества, пиетет к труду, умственная сосредоточенность, демонстрируют самые глубокие пласты осетинской мифологии. Нартовский эпос с его пассивными героями-воинами представляет не-

сколько другую этику, другой поведенческий этос. «Осетинские сказания... в первой фазе своих повествований говорят о героях ума, мудрость и благородство которых восхищает нас, во второй же, позднейшей фазе – повествуется о героях грубой физической силы, творящих насилие и сеющих зло» [3, с. 136]. И автор делает вывод: «Ясно, что осетины когда-то обладали высокой умственной культурой, которую впоследствии потеряли» [3, с. 136]. Мифология обладает мобилизующей, вдохновляющей силой, выступает ментальной матрицей преобразований в духовной и социально-экономической сфере. «Мы знаем, что умственная и материальная культура следуют рука в руку, и потому не подлежит сомнению, что в период умственного прогресса у осетин высоко стояла и материальная культура; и действительно, о том свидетельствуют найденные в древних могильниках осетин предметы осетинской культуры эпохи бронзового и начала железного века, а также древнейшие замки и сооружения и древние рудники» [3, с. 137].

Поэтому не удивителен и вывод историка о том, что древний «кобанский» период, как начало осетинской культуры, стал и ее вершиной – «наивысший расцвет осетинской культуры относится к доисторическим временам, к эпохе бронзового и начала железного века, о которой... повествуется в первой фазе осетинских сказаний» [3, с. 137].

Древнейшие пласты мифологии осетин представляет прежде всего эпос «Царциата». В нем действуют культурные герои – персонажи мифологии, которые являются «обобщением трудового опыта человека», а сами культурные мифы – «идеализацией» и «поэтизацией творческих возможностей человека» [18, с. 214]. Герой эпоса Царддзо крадет у небожителей огонь, изготавливает первые орудия труда и оружие. Как греческий Прометей, он наказан за свое прегрешение. Другие герои являются творцами общественных правил и законов, закладывают основы земледелия и скотоводства [19, с. 172].

Впечатленный этой апологией культуросозидания в осетинской мифологии, Темирханов даже считал иранских предков осетин родоначальниками в истории использования огня человеком (на это преувеличение указывали все «критики» историка). И здесь следует вспомнить слова А.Ф. Лосева, что наука не знает древних народов, «которые не были бы знакомы с употреблением огня» [20, с. 226]. На наш взгляд, у осетинского историка речь скорее идет о приоритете в культурно-мифологическом освоении, «приручении» этой природной стихии. Можно согласиться с исследователем осетинского фольклора Ю.А. Дзицойты, свидетельствующем об «индоиранских истоках мотива добывания (похищения) огня» [21, с. 110].

Богатство осетинских сказаний о культурных героях унаследовано, по мнению Темирханова, у древних иранцев, создавших блестящую цивилизацию и отличавшихся развитой мифологией.

Эта мифология, проникнутая пафосом покорения природы, подчинения ее человеку, культом труда и знания, жизнеутверждающим пафосом и просветительским духом, была основой культурного взлета народа «ир» в период бытования кобанской археологической культуры, определила ее глубоко оригинальный характер. «Оружие и утварь осетинской культуры эпохи бронзового и начала железного века несут самобытный отпечаток, что указывает на то, что осетинская культура той эпохи создана творчеством самих осетин, без заимствований со стороны, исключительно под влиянием своей мифологии, побуждавшей их к прогрессу» [3, с. 137].

Так, древний иранский миф о похитителе у небесных сил огня стал античным мифом о Прометее, герое преданий о титанах, предшественниках в греческом божественном пантеоне богов-олимпийцев. Творцы-титаны «дали народу новые орудия, и они научили его новым способам труда, за что боги их низвергли и погубили» [3, с. 143]. Самый яркий титанический образ в этом кругу культурных героев – Прометей, наделенный мощью и богатством смыслового наполнения.

Образ Прометеев – символическая основа европейской модернизации, всей культуры Модерна, с его научно-техническим прогрессом, культом просвещения и свободы. Это также символ мужественной стойкости и творческой силы. С Нового времени этот образ становится, по сути, выражением самосознания Европы, исторической судьбы ее народов [22].

В трудах Темирханова миф о Прометее представляется как миф национальной осетинской судьбы, самоутверждения осетин в истории. Переживавший нескончаемые войны, нашествия, катастрофы, осетинский народ демонстрировал, подобно легендарному герою, невероятную стойкость и способность к возрождению.

Огромную роль в национальной истории играла и древняя монотеистическая религиозная традиция. К характеристике традиционной религии, как основе этнической самобытности осетин, С. Темирханов обращался не только в своем основном труде «Иры истории», но и в религиозноведческом очерке «Народная религия осетин». Корни религиозного мировоззрения предков осетин восходят к мифологии и религии древних ариев (индоиранцев), которую представляют древние тексты Авесты и гимны Риг-Веды [23]. Темирханов самостоятельно перевел несколько гимнов Риг-Веды на осетинский язык, и они ярко представляют образ Бога – Творца Мира, требования Его к человеку и ответственность человека перед Богом, особенности религиозного культа и обычаев. «*Риг-Веды зарджитæй зыны, рагон ир дуне Сфæлдисæг Хуыцауыл кæй уырныдтой æмæ уый йæ тыхæй тых кæй дæтты уæларвон дзуæрттæн, уырныдта сæ, удæн мæлæт кæй нæй, уый царды цæхæр у æмæ уæларвæй зæхмæ маргъау артæхы, стæй фæстæмæ стæхы æмæ, йа хъуыддæгтæм гæсгæ, йæ рухс дзæнæттæ*

бацæуы, йæ сау зындонмæ – уу дзырдæй, лæг йæ мæлæты фæстæ йæ зæххон царды тыхæй дзуапп ратты, æмæ цы аккаг вæййы, уыд ссары. Уырныдта сæ: лæг зæрдиагæй куы скува, уæд йæ куывд уæларвмæ хæцца кæны, æмæ табу кæнгайæ куывтой дуне Сфæлдисæг Хуыцаумæ, рух уæларвон дзуæрттæн нывæндтæ хастой, фæлæ къухæй конд гуымыртæн нæ куывтой, сауджынтæ нæ дардтой, аргъуантæ на кодтой, куывтой уæлхох цъæх нæутыл кæнæ хъæды аууон рæсугд рæтты» [3, с. 94]. – «Как повествуют гимны Риг-Веды, древний народ «ир» верил в Единого Бога-Творца. Что небесные духи есть частицы его духовной силы; что душа бессмертна, она искра жизни, и прилетает как птица на землю, с тем, чтобы затем улететь, и в соответствии с земными делами, или войти в светлый рай или в черный ад – одним словом, человек после смерти отвечает за свои поступки, и ему воздается по делам его. Верили, что если молитва человека чистосердечна, то достигает небес, и они молились Богу-Творцу Мира, приносили жертвы светлым небесным духам, но не поклонялись рукотворным идолам, не держали священников, не строили храмов, молились на полянах горных вершин, или в красивых тенистых рощах».

Эта религиозная традиция создала социальный космос предков осетин, поддерживала демократизм и достоинство во взаимоотношениях людей, была опорой единства, солидарности и государственности.

Волны миграций на Кавказ ираноязычных народов – скифов, сарматов, алан – усложнили этнический состав народа «ир», во многом изменили культуру. Мощный иранский этнический массив, куда влился и народ «ир», занял огромные пространства от Дона, Кавказа и до берегов Дуная, и переживал с IV в. до н. э. и до II в. н. э. «могучий расцвет», проявившийся в том числе в создании самобытной воинской культуры.

Постоянная военная напряженность предопределила трагическую драматургию истории народа и его культуры. И не случайно Темирханов большинство глав своего труда «Иры истори» называет по именам грозных врагов сармат и алан, которым они в разные времена противостояли: «Македойнæгты дуг» («Македонская эпоха»), «Ромæгты дуг» («Римская эпоха»), «Гунны дуг» («Гуннская эпоха»), «Хазары æмæ арабы дуг» («Хазарская и арабская эпохи»), «Монголы дуг» («Монгольское время») и т. д.

Верность духовному наследию предков, единство, сплоченность, солидарность – этот духовно-культурный «каркас» поддерживал витальные силы этноса, был гарантом выживания. Первые попытки создания государственности тоже были проявлением этого стремления к общественному единению. Опираясь на эти начала сплоченности и единства, предки осетин могли побеждать даже самых дерзких и могучих противников, хозяев тогдашнего древ-

него мира. (Это случилось с «покорителями Азии» македонцами – их царь Лизимах был пленен, а войско его разбито в 293 г. до н. э. Достойный отпор был дан и создателям могучих империй – римлянам и персам). «Паддзахады фæрцы бауу и уæд ирон дзыллæ, æмæ Азийы бырсæг македойнæгтæ иримæ куы схæцыдысты, уæд уайтагъд ирæй бавзæрстой нæдтытæ» [3, с. 106]. – «Благодаря государственности объединился тогда народ «ир», и это дало ему такую силу, что когда победители Азии македонцы столкнулись с ними, то получили решительный отпор». «Дуне бырсæг ромæгты æмæ Раззаг Азийы тыхджин адæмты ир бырстой уæд, æмæ уымæй бæрæг у, ир уæд цумæйæг кæй уыдысты æмæ сæ хъуттаг иу фæндыл кæй цыди, иу сæрæй арæзгæг кæй уыдысты» [3, с. 108]. – «Победителей мира римлян и сильных народов Передней Азии предки осетин побеждали, потому что были едины, устремлены к одной цели, направлялись единой волей». По мнению Темирханова, аланы-ир создали самобытный, оригинальный тип государственности, базировавшийся на глубинных основах этнической социальной культуры и духовности. «Ир æрцарæзтой ахæм паддзахад, цагъарадæн бынат кæм нæ уыди, фæлæ сæ хъуыддаг иу фæндыл кæй фæрцы цыди» [3, с. 109]. – «Предки осетин создали такую государственность, где не было места рабству и неравенству, но в то же время обеспечивалось единство народа».

Природа такой государственности определялась духовно-культурными истоками социальной жизни этноса, и ее особенности сохранялись на протяжении всей истории. «...Ирон паддзахад ныры паддзахадты хуызæн нæ уыди. Тацит куыд зæгъы, æфтæмæй уыцы иры сæрдартæ хицауад хæсты рæстæджы кодтой, сæ кад æмæ сæ тых, сæ лæджыхъæд цыд, фæлæ æнæхæст афоны адæмы æлдар нæ уыдысты æмæ сæ адæмы цардмæ хъуыддаг нæ уыди... Ахæм паддзахад фидар уæдмæ у, цалымæ, куыд йæ сæр, æфтæ йæ кæстæр æмбæлттæ дæр, цытджын уой адæмы цæсты сæ лæджыхъæдæй æмæ сæ хъуыддæгтæй: паддзах йæхицæй кæстæр сæрдарты цæсты цытджын йæ хъуыддæгтæй куы нæ уа, уæд уыдон барæй уымæ сæ хъус куыд бадарой, уыдон сæ хъуыддæгтæй куы нæ бæззой, уæд? Ирмæ уыд агъоммæ цы паддзахæдтæ уыди, уыдон дæр æфтæ арæзт уыдаиккой æмæ уæлдай бирæ дæр уымæн нæ хастой, фæлæ уæлдай тых дæр ирæн уыдон лæвæрдтой» [3, с. 109]. – «Аланская государственность не была похожа на современное государство. Как свидетельствует Тацит, вожди алан были предводителями только во время войны, где демонстрировали свою власть и силу, мужество и удаль, но в мирное время они не были предводителями и не вмешивались в жизнь народа...Такая государственность крепка до тех пор, пока вожди и военные лидеры были уважаемы народом за мужество и заслуги: если лидер государства не уважаем своими сподвижниками, не об-

ладает выдающимися военными заслугами и авторитетом, то и они добровольно не подчинятся ему. ...Все государственные образования, которые были у алан позднее, строились по такому принципу, поэтому они и существовали недолгое время, но в то же время способны были обеспечить им единство и мощь».

Оригинальность государственного устройства предков осетин (в интерпретации Темирханова) представляла именно в ее отличии от классических форм государственности с властями во главе – это было скорее свободное товарищество, скрепленное солидарностью и взаимопомощью [24]. Эти черты государственности не были проявлением ее «ранней» стадильности, неразвитости, а именно этнической особенностью, самобытностью.

Отсутствие общественного единства и солидарности, распад самобытной государственности были причиной исторических трагедий, поражений и демографических катастроф. Так было в результате нашествия гуннов в IV в. н. э., когда после варварского погрома территория обитания алан сократилась в десятки раз. (Так было и много веков спустя, когда кризис государства, междоусобицы и социальные конфликты привели к ослаблению способности общества противостоять удару татаро-монгольского нашествия в XIII в.). «4-эм æнусы Чырыстыйы фæстæ иры æртæрдыгæй æрбабырстой знæгтæ æмæ кæм бырсгæ акодтой иры, кæм та сæ цæгъдгæ дæр ныккодтой. Амæй æргом кæны, уый агъоммæ Иры падзахад кæй фехæлди, æмæ ир иу куынæ уал уыдысты, уæд сыл знæгтæ алырдыгæй кæй сыстадысты æмæ сæ æнцон кæй абырстой» [3, с. 109]. – «В IV веке по Р.Х. с трех сторон на алан напали враги, кого-то изгнали, кого-то уничтожили. И это говорит о том, что государственность пала, и враги со всех сторон обрушились на алан, с легкостью одолели их».

Но стоило народу мобилизовать свои духовные силы, объединяться, опираясь на свои традиции солидарности и дисциплины, – как ему удавалось, казалась бы, невозможное. В таких случаях предки осетин усмиряли всех своих врагов и вновь становились несокрушимой силой.

В своем движении в Европу гунны часть алан разгромили, часть вовлекли в свои войска. Были и племена алан, которые не подчинились завоевателям и впоследствии стали союзниками римлян и готов в своей борьбе против гуннов. Историк специально останавливается на роли алан в знаменитой битве на Каталаунских полях в 451 г. н. э. в Галлии («битва народов»), где аланы покрыли себя неувядаемой славой, показав беспримерное мужество и стойкость. «Фæлæ ромæгты, готы æмæ иры æфсæдты сæйраг фæтæг Аеций не 'ууæндыд ирыл, æмæ æмбал æфсæдты хæцынмæ куы 'рцарæзта, уæд иры барæй æхсæнæй æрæвæрдтæ, ромæгты æмæ готы та иры фæйнæфарс, цæмæй ир, сайдæй куы разилой, уæд

сæхи фæрсмæ айсой ромæгтæ æмæ гот. Фæлæ ир сайдæй нæ разылдысты, æмæ гунны æфсæдты тыхджиндар цæф суади ирыл, уымæн æмæ гунн кæддæриддæр сæ хуыздæр æфсæдтæй знæгты астæу цавтой, æмæ ацы хатт дæр афтæ бакодтой æмæ баурæдтой гунны сонт цæф. Уæд ромæгтæ æмæ гот дыууæрдыгæй ныццавтой гунны æмæ æртæрдыгæй æртæ æмбалы æрцъист кодтой уыдоны. Гунн амбылдтой хæст æмæ аздæхтысты фæстæмæ. Афтæмæй ир баурæдтой гунны фыццаг цæф Каталлоны урсбыдырты æмæ уый фæрцы фервæзын кодтой Хурныгуылæн Европæ гунны бырстæй» [3, с. 110].

– «Главкомандующий армией римлян Аций не доверял аланам, и когда он формировал союзное войско, то специально поставил алан в центре, а римлян и готов на флангах, с целью, что если аланы дрогнут и попытаются покинуть поле битвы, то римляне и готы примут удар на себя. Но аланы не дрогнули, и самый сильный бросок гуннов пришелся на алан. Гунны всегда били отборными отрядами в центр войска противника, так они поступили и в этот раз, но аланы выдержали этот страшный удар. Тогда и римляне с готами ударили с флангов, и с трех сторон союзники перемололи врага. Гунны проиграли битву и были вынуждены повернуть назад. Так аланы сорвали мощный натиск гуннов на Каталаунских белых полях, и благодаря этой победе Западная Европа была спасена от гуннского погрома».

Но, разбросанные небольшими группами по всему европейскому континенту, аланы были обречены на довольно быструю ассимиляцию среди европейских народов. Такую же судьбу разделили в древности и иранцы, мигрировавшие на Юго-Восток и Юг Евразии. Часть их исчезла, полностью ассимилировавшись, часть слилась с местными аборигенами, дав начало новым этносам. Проследившая эту многовековую драму, Темирханов отмечает, что «сæ историйы райдайæнæй суанг дыккаг мин азы онг Чырыстыйы агъоммæ, сæ культурæ таугæ, алырдæм хæлиу кæнгæ фæцыдысты æмæ бахæццæ сты иуæрдыгæй Индо-Китайы онг, иннæрдыгæй – Европæйы хурныгуылæн былтæм, æмæ æнæнымæц адæмты æхсæн, чысылгай тайгæ, фесæфтысты, фæлæ нæ фесæфти сæ культурæ. Кæцы разынди афтæ тыхджын, æмæ Индо-Китайæ Европæйы хурныгуылæн къуымты онг цы алы мыггаг адæмтæ царди, уыдоныл уый сæвæрдта иу джипп» [3, с. 124]. – «С истоков своей истории и до второго тысячелетия до Р.Х. культура иранцев в постоянных миграциях слабела, и достигли они, с одной стороны, Индо-Китая, с другой – до границ Западной Европы, и среди бесчисленных народов понемногу исчезали, но не исчезла их культура. Которая оказалась такой сильной, что от Индо-Китая до уголков Европы, на все народы, жившие там, наложила свою печать». Близость языков и культур индоевропейской семьи народов определялась, в том числе, наличием древнего

иранского культурного субстрата. Это положение современной ему историко-филологической науки Темирханов постигал из классических фундаментальных изданий, например, из книги М. Каррера «Искусство в связи с общим развитием культуры» [25].

Не менее разрушительным явлением для единства и сплоченности народа было корыстолюбие и стремление к обогащению, овладевавшее подчас определенными слоями общества. Такой представлялась Темирханову средневековая практика военного наемничества алан, разлагавшая общество и ставшая причиной многих военных поражений и социальных бедствий.

«Ромæгтæ æмæ византиæгтæ адзæсгом, æнаггаг уыдысты, æмæ сæ астæу цæргæйæ ир удонæ фæзмæгæ нæ уыдаиккой, уымæн æмæ чи кæмæн хъуыддаг кæны, уый фæзмы. Афтамæй, уыдонæ фæзмæгæйæ, ир чысылгай уыдон хуызæн кодтой æнаккаг, æдзæсгом, æмæ фæстæмæ хи бæстæм афтамæй здæхгæйæ сæ фыдзонд чысылгай æфтыдтой æгас ирыл. Æмæ куыд фæстагмæ, æнаггаг æмæ æдзæсгом кæнгæйæ, намыс нал баззад ирмæ. Намыс кæмæ нал вæййы, уыцы адæм та сæ Хуыцау ферох кæнынц, æмæ уæд кæцыдæриддæр йæхицæн пайдадæр æмæ æдасдæр цы у, æрмæст уый кæны. Пайда æмæ æдас та уый у, æрмæст хи мæтæй цæрын æмæ тыхджындæртæн кувын, æдыхдæрты æргæвдын. Ахæм адæм тыхджындæрты Хуыцауæн бакувынц, уыдон диныл ацæуынц, æмæ уæды ир дæр бакодтой афтæ æмæ бакуыттой византиæгты Хуыцауæн, уымæн æмæ уыдон тыхджындæр уыдысты» [3, с. 112]. – «Римляне и византийцы были бессовестными, корыстными людьми, и, живя среди них, предки осетин стали подражать им. И вот, подражая им, они становились такими же корыстными и, возвращаясь домой, заражали любовью к деньгам и все общество. Люди без чести и совести забывают своего Бога и делают только то, что им выгодно и полезно. А польза их в том, чтобы жить только для себя и поклоняться сильным мира сего, а слабых давить. Такие люди молятся только богам своих хозяев, принимают их веру, и многие из предков осетин так и сделали и приняли веру византийцев, христианство, потому что Византия и византийцы были сильнее».

Охваченное страстью к деньгам, общество забывало о своих духовных интересах, слабело и становилось легкой добычей врагов. *«Æхца сси иры хуыцау уыцы рæстæджы, æмæ фылдæр æхца чи лæвæрдта, уымæн уæй кодтой сæ хъару, сæ уд. Тæккæ уыцы рæстæджы перс æмæ византиæгтæ Фæскавказы тыххæй сæ кæрæдзимæ хæццын байдыдтой, æмæ ир куы сæ иуы, куы се»* иннæйы фарс фесты... *Æнахъаз искæй тыххæй сæ туг уадзгæйæ, иры тых уæдмæ байсысти æмæ хазарæй сæхи хъахъхъæнын нал бафæрæзтой»* [3, с. 113]. – «Деньги стали богом предков осетин в это время, и кто платил больше, тому и продавали

свою силу, свою душу. Именно в это время (VI в. н. э.) Персия и Византия начали войну в Закавказье, и аланы воевали и на той и на другой стороне... В боях за чужие интересы силы их истаяли, и они не смогли защитить себя...».

В этом сюжете чувствуется неприятие историком-просветителем ситуации, когда национальное достоинство превращается в разменную монету политики, в «меновую стоимость». Очевидна и аналогия с современной Темирханову Осетией начала XX века, столкнувшейся с жестокими рыночными реалиями, погружившейся в потребительскую стихию, испытывавшей на прочность основы национальной культуры и традиции.

Отступление от своей самобытной религии и государственности, стремление копировать чужой общественно-государственный строй и опыт, оборачивались предательством национальных интересов, потерей исконных территорий. Так, желание аланской элиты подражать престижному образу жизни элиты Грузии – своего сильного соседа привело к социальному разладу, феодальным междоусобицам, социальной эксплуатации простого населения и, как следствие, – ослаблению общества перед лицом нового сильного врага – татаро-монгол. Один из аланских царей – Ордуре – *«гуырдзиаг паддзахы мыггагай уыди, æмæ Иры паддзах куы сси, уæд Ирыстоны дæр гуырдзиаг паддзахадæй уагыл æрцарæзта æмæ йæ æлдæрты паддзахад скодта»* [3, с. 117]. – «Ордуре был из рода грузинских царей, и, став царем Алании, он ввел повсеместно грузинские феодальные порядки и учредил феодальное государство». В стране появились замки и монастыри, простой народ вовлекался в феодальные конфликты и войны, ничего ему не приносившие, кроме разорения. *«Ирон паддзах Давид-Сослан кæй мой уыди, уыцы гурдзиаг успаддзах Тмарæ Гуырдзыстоныл бафтыдта Хуссар Ирыстоны, æмæ амæй зыны дзæбæх, уæды ирон паддзæхтæ Ирыстоны мæт куыд кодтой, уый, уымæн æмæ Давид-Сослан куы не сразы уыдаид, уæд йæ ус Тмарæ Ирыстонæй ахæм гæбаз нæ атыдтаид»* [3, с. 117]. – «Царица Тамара, мужем которой был осетинский царевич Давид-Сослан, присоединила к Грузии Южную Осетию, и это яркое свидетельство того, насколько осетинские цари «печалились» об Осетии. Если бы Давид-Сослан не был бы согласен, то его супруга царица Тамара не оторвала бы от Осетии такой кусок».

После татаро-монгольского нашествия, а затем погрома войсками среднеазиатского завоевателя Тимура, осетины погрузились в пучину междоусобиц, социальных конфликтов, «войны всех против всех». Столетия постоянных военных конфликтов не прошли бесследно – *«...хæхты уæвгæйæ, сæ бæрзонд рухсæссаг культурæйæ афтидæй баззæдысты æмæ афтамæй талынгзонд, мæгуыр адæмæй рацыдысты быдырмæ; фæллоймæ дæр сæхи уæлдай уымæн нæ сыздæхтой æмæ хæзнатæ æхсарæй уымæн агуырдтой; стæй сæ*

æнæбанцайгæ хæстæй сæ культурæмæ базилын нал равдæлди, æмæ цардфидауцæгæнæг культурæ уый тыххæй нал сæвзæрд сæ ктухæй» [3, с. 133].

– «...будучи в горах, свою высокую светоносную культуру осетины не сохранили, и вот такими темными, бедными вышли на равнину; к созидательному труду не воспылали особой любовью и искали богатства военной доблестью; из-за непрекращающихся войн они мало занимались культурой, поэтому такая блестящая, украшающая жизнь культура больше не была ими создана».

В раздробленности и неустроенности, зависимости от сильных соседей застаёт осетин Новое время. Но в глубине исторической памяти народа жило «прометеево» пламя воли к жизни, развитию, которые и привели к союзу с Россией, открывшему для народа новые горизонты бытия. Осетины получили возможность вспомнить, что они не только народ беспримерного мужества и доблести, но и светоносной культуры, когда-то утраченной, но все еще могущей возродиться как легендарный Прометей. «*Фæлæ мæнæ ныр, фондзыссæдз азы хъазуатæй куы сулæфыдысты, хæхтæй быдырмæ се 'рдаг куы рацыди, фæллой кæнын амал сын разынди, уæд ногæй сæхиул схæцынц, азмæлын сæ цы нæ уадзы, уыцы рæхыстæ (талингдзинад, мæгуырджинад, цагъарджинад) фæтанынц, ахуырджинадæй рухс фæндагыл слæууынц, разæйдзог дзыллæты сæййафынц. Афтамæй ныртæккæ дæр æвдисынц, сæ удыхъæд, сæ зонды конд, размæтындзæг, рухсагурæг кæй сты» [3, с. 134]. – «И сейчас, когда осетины вздохнули от многолетних войн, когда половина населения Осетии выселились с гор на равнину, появились все возможности для труда и созидания – народ воспрянул, и стало очевидным то, что не дает Осетии развиваться; эти цепи (неграмотность, бедность, социальное неравенство) будут разорваны, благодаря образованию появится возможность догнать передовые народы. Осетины и сейчас демонстрируют свою стойкость, свое стремление к развитию, просвещению».*

История словно совершила круг, вновь реализовав просветительскую мечту о «заре новой жизни, жизни труда и мысли». Эти слова первого осетинского просветителя Инала Канукова отозвались пафосом всего творчества Сослана Темирханова, желавшего видеть Осетию не только воплощением культа отважного воинства, но и лидирующей в мирном созидании, культурном изыске, хозяйственном творчестве.

Конечно, труд историка-любителя Сослана Темирханова «Иры истори» – это не столько строгое

научное исследование, сколько свободное размышление над исторической судьбой осетинского народа. Но это произведение настоящего патриота своей многострадальной родины, глубокого мыслителя, и его творчество достойно обстоятельного изучения. Текст книги свидетельствует о знании практически всей доступной литературы об осетинах начала XX века, свободном оперировании всеми выявленными к тому времени источниками, написан ярким, сочным языком. Оригинальна и современна культурологическая «подкладка» труда – создание историко-культурного портрета осетинского народа, пронесшего сквозь тысячелетия верность своим духовным истокам, свою неповторимую идентичность, свою жажду жизни. Поэтому Сослан Темирханов так высоко ценил вклад выдающегося русского ученого Всеволода Миллера в духовное становление нации. С этих слов и начинается его книга: «Посвящается профессору Миллеру, так много сделавшему для самосознания осетин, для осетинской истории и культуры» («*Амæй арын профессор Миллеры ном, афта бирæ чи бафаллой кодта ирон адæмы тыххæй, æмæ ир кæцæй рацаугæ сты, уый чи раргом кодта»*).

Проблема исторической судьбы Осетии, ее культурной идентичности актуализируется в переломные моменты национальной истории. Таким был период конца XIX – начала XX века, время модернизации и обновления всех сторон жизни осетинского общества. Альтернативность интеллектуальных интерпретаций была обусловлена сложностью и многообразием осетинской культуры, драматичной историей этноса, сложностью внешней культурной среды и культурных воздействий. И здесь творческое наследие Сослана Темирханова ярко иллюстрирует методологию познания национальной истории и самобытности через приобщение к свойственному древнему этносу религиозно-духовному и культурно-ментальному ядру, не сводя его к ценностям и архетипическим началам других культурных организмов. Это во многом диктовалось поиском ориентиров культурно-цивилизационного развития Осетии, ориентации общества в культурно-историческом пространстве начала XX века. Решение этой важной интеллектуальной задачи было для историка-просветителя выстраиванием такой национально-культурной идеологии, которая обеспечила бы как внутреннюю интеграцию осетинского социума перед лицом вызовов Нового времени, так и внешнюю его интеграцию в российское общество и мировое сообщество при сохранении собственной идентичности и самобытности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айларова С.А. О первых христианских историках Осетии (кон. XIX – нач. XX в.) // *Христианство на Северном Кавказе: история, культура, современное общество.* – Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2022. С. 6–75.
2. Алексей Гатуев, протоиерей. *Христианство в Осетии. Исторический очерк / Составл., ред.: А.А. Горобец.* – Владикавказ: Олимп, 2007. 176 с.
3. Темирханты Сослан. *Иры истори. Радзыртæ, таурæгъ-*

тæ, аргъæуттæ, зарджытæ, очерктæ, фыстæджытæ / сост., предисл. Сагунтоновой Т.Н. – Дзæуджыхъæу: Аланыстон, 1994. 166 ф. карт.

4. Кокиев Г. Об одной фашистской фальсификации истории осетин // *Исторический журнал*, 1944. № 2-3. С. 43–47.

5. Тотоев М.С. *Очерки истории культуры и общественной мысли в Северной Осетии в начале XX века.* – Орджоникидзе: Изд-во «Ир», 1968. 288 с.

6. Калоев Б.А. Моздокские осетины (историко-этнографическое исследование). – М., 1995. 245 с.
7. Фидарова Р.Я. Этническое мировоззрение осетин (Ирондзинад). Генезис. Структура. Этапы развития. В 4-х кн. – Владикавказ: СОИГСИ, 2014. Т. 3. 398 с.
8. Кочиева Д.А. Ключевое слово «Хуыцау» в семантике осетинских паремий // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2016. № 3. С. 57–64.
9. Томаев Ш. Свой труд посвятил Миллеру // Северная Осетия, 2018. 2 марта
10. Айларова С.А. Из истории национального самосознания: Сослан Темирханов о «народной религии осетин» // Известия СОИГСИ, 2023. № 48 (87). С. 62–69.
11. Филимонов Г.Д. О доисторической культуре в Осетии. – М.: тип. М.Н. Лаврова и К., 1878. 8 с.
12. Уварова П.С. Могилиники Северного Кавказа // Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Московского археологического общества. Под ред. и с предисл. гр. Уваровой. – М.: тип. А.И.Мамонтова и К. 1888–1916. Вып. 8. 1900. 12. 381 с.: ил., 135 л. ил.
13. Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. 532 с.
14. Техов Б.В. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н. э. – М.: Наука, 1977. 239 с.
15. Техов Б.В. Тайны древних погребений. – Владикавказ: Проект-пресс, 2002. 512 с.
16. Дударев С.Л., Савенко С.Н. К историографии феномена «кобанская культура» // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2019. № 4. С. 67–84.
17. Абаев В.И. Скифо-европейские изоглоссы: на стыке Востока и Запада. – М.: Наука. ГРВЛ, 1965. 168 с.
18. Касумова Ф. Сущность и функции культурного героя-демиурга в мифологии // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Т. 25(64). № 3. ч. I. 2012. С. 214–218.
19. Таказов Ф.М. Мифологические архетипы модели мира в осетинской космогонии. – Владикавказ: ФГБУН СОИГСИ им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и Пр-ва РСО-А, 2014. 210 с.
20. Лосев А.Ф. Мировой образ Прометей // А.Ф. Лосев. Проблема символа и реалистическое искусство. – М.: Искусство, 1995. С. 226–306.
21. Дзичцойты Ю.А. Нартовский эпос и Амირаниани. – Цхинвал: Полигр. произ. объединение, 2003. 224 с.
22. Гадамер Г.Г. Прометей и трагедия культуры // Актуальность прекрасного. – М.: Искусство, 1991. С. 242–255.
23. Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. – М.: «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1988. 304 с. (Гл. 1. Предыстория).
24. Ерасов Б.С. Концепции культурной самобытности в странах «третьего мира» // Вопросы философии, 1971. № 11. С.40–51.
25. Каррер М. Искусство в связи с общим развитием культуры человечества. – М.: Изд-е К.Т. Солдатенкова. Т. 1–5. 1870–1875. (Т.1. Зачатки культуры и восточная древность. 445 с.).

REFERENCES

1. Ajlarova S.A. O pervykh hristianskikh istorikah Osetii (kon. XIX – nach. XX v.) // Hristianstvo na Severnom Kavkaze: istoriya, kul'tura, sovremennoe obshchestvo. – Vladikavkaz: SOIGSI VNC RAN, 2022. S. 6–75.
2. Aleksij Gatuev, protoierej. Hristianstvo v Osetii. Istoricheskij ocherk / Sostavl., red.: A.A. Gorobec. – Vladikavkaz: Olimp, 2007. 176 s.
3. Temirhantj Soslani. Iry istori. Radzyrtæ, tauræg"tæ, arg"æuttæ, zardzhytæ, ocherktæ, fystædzhytæ / sost., predisl. Sagutonovoj T.N. –Dzæudzhih"æu: Alanyston, 1994. 166 f. kart.
4. Kokiev G. Ob odnoj fashistskoj fal'sifikacii istorii osetin // Istoricheskij zhurnal, 1944. № 2-3. S. 43–47.
5. Totoev M.S. Ocherki istorii kul'tury i obshchestvennoj mysli v Severnoj Osetii v nachale XX veka. – Ordzhonikidze: Izd-vo «Ir», 1968. 288 s.
6. Kalojev B.A. Mоздокские осетины (историко-этнографическое исследование). – М., 1995. 245 с.
7. Fidarova R.YA. Etnicheskoe mirovozzrenie osetin (Irondzinad). Genезis. Struktura. Etapy razvitiya. V 4-h kn. – Vladikavkaz: SOIGSI, 2014. T. 3. 398 s.
8. Kochieva D.A. Klyuchevoe slovo «Huycau» v semantike osetinskih paremij // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. 2016. № 3. S. 57–64.
9. Tomaev SH. Svoj trud posvyatil Milleru // Severnaya Osetiya, 2018. 2 marta
10. Ajlarova S.A. Iz istorii nacional'nogo samosoznaniya: Soslan Temirhanov o «narodnoj religii osetin» // Izvestiya SOIGSI, 2023. № 48 (87). S. 62–69.
11. Filimonov G.D. O doistoricheskoy kul'ture v Osetii. –M.: tip. M.N. Lavrova i K., 1878.8 s.
12. Uvarova P.S. Mogil'niki Severnogo Kavkaza // Materialy po arheologii Kavkaza, sobrannye ekspeditsiyami Moskovskogo arheologicheskogo obshchestva. Pod red. i s predisl. gr. Uvarovoj. – M.: tip. A.I. Mamontova i K. 1888–1916. Vyp. 8. 1900. 12. 381 s.: il., 135 l. il.
13. Krupnov E.I. Drevnyaya istoriya Severnogo Kavkaza. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1960. 532 s.
14. Tekhov B.V. Central'nyj Kavkaz v XVI–X vv. do n. e. – M.: Nauka, 1977. 239 s.
15. Tekhov B.V. Tajny drevnih pogrebenij. – Vladikavkaz: Proekt-press, 2002. 512 s.
16. Dudarev S.L., Savenko S.N. K istoriografii fenomena «kobanskaya kul'tura» // Vestnik Armavirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2019. № 4. S. 67–84.
17. Abaev V.I. Skifo-evropejskie izoglossy: na styke Vostoka i Zapada. – M.: Nauka. GRVL, 1965.168 s.
18. Kasumova F. Sushchnost' i funkcii kul'turnogo geroya-demiurga v mifologii // Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V.I. Vernad'skogo. T.25 (64).№ 3.ch. I. 2012. S. 214–218.
19. Takazov F.M. Mifologicheskie arhetipy modeli mira v osetinskoj kosmogonii. – Vladikavkaz: FGBUN SOIGSI im. V.I. Abaeva VNC RAN i Pr-va RSO-A, 2014. 210 s.
20. Losev A.F. Mirovoj obraz Prometeya // A.F. Losev. Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo. – M.: Iskusstvo, 1995. S. 226–306.
21. Dziccojty YU.A. Nartovskij epos i Amiraniani. – Ckhinval: Poligr. proiz. ob"ed-ie, 2003. 224 s.
22. Gadamer G.G. Prometej i tragediya kul'tury // Aktual'nost' prekrasnogo. – M.: Iskusstvo, 1991. S. 242–255.
23. Bojs M. Zoroastrijcy. Verovaniya i obychai. – M.: «Наука». Glavnaya redakciya vostochnoj literatury, 1988.304 s. (Gl. 1. Predystoriya)
24. Erasov B.S. Konceptii kul'turnoj samobytnosti v stranah «tret'ego mira» // Voprosy filosofii, 1971. № 11. S. 40–51.
25. Karrer M. Iskusstvo v svyazi s obshchim razvitiem kul'tury chelovechestva. – M.: Izd-e K.T. Soldatenkova. T. 1–5. 1870–1875. (T. 1.Zachatki kul'tury i vostochnaya drevnost'. 445 s.).